

Глава 24. Я ему не чета

Эрф тоже покачал головой:

— И зачем туда идти без всякой на то причины?

— Кое-какие дела появились, — уклончиво ответил Кэмпбелл. — Не переживайте, я только по краю пройду, в самую глубь соваться не стану.

Как боец корпуса самообороны, Кэмпбелл регулярно патрулировал здешние рубежи и прекрасно знал, где пролегает граница дозволенного.

Услышав его заверения, Таотэ успокоился. Внезапно вспомнив об утреннем разговоре, он спросил:

— Ах да, чуть не забыл. Сколько красных раковин я задолжал тебе за ту шкуру?

Кэмпбелл смущённо поскрёб затылок и неловко улыбнулся:

— Да брось, бери так. С меня за неё ни единой раковины не взяли.

Разумеется, распространяться о черепае сумчатого льва, который пришлось отдать взамен, он не собирался. Это его личные заботы, и впутывать сюда друга ни к чему.

— И у кого же ты её выменял? — любопытствовал Таотэ.

Его интерес был вполне оправдан: в их суровом мире дальние странствия таили в себе смертельную опасность. С тех пор как предки оборотней перестали кочевать на юг вслед за сменой времён года, нынешние поколения почти позабыли, как выглядит бескрайняя вода. Получить диковинную вещицу из морских глубин для тех, кто родился в лесной глуши, казалось чем-то из разряда древних легенд.

— У нашего шамана, — признался Кэмпбелл. При упоминании старейшины он посерьёзnel. — Кроме него никто и подсказать-то не мог, какая вещь подойдёт лучше всего. Наш шаман — воистину мудрый оборотень.

Таотэ не верил ни в духов, ни в божеств, поэтому к шаманскому ремеслу относился прохладно. И всё же глупо было отрицать, что в их племени старик пользовался непререкаемым авторитетом и ведал вещами, сокрытыми от глаз простых смертных. Он не сомневался: вещица, полученная из рук шамана, имела огромную ценность. Но раз уж Кэмпбелл уклонялся от подробностей, расспросами он докучать не стал. Они дружили с самого детства, и он прекрасно знал: если этот упрямец решил промолчать, клещами из него признание не

вытянешь. Эту услугу он просто сохранит в памяти, как долг чести.

Посидев в гостях ещё немного, Таотэ бросил взгляд на сгустившиеся за окном сумерки и поднялся, чтобы попрощаться с хозяевами. Кэмпбелл вызвался проводить его до ворот и, лишь когда Таотэ мягко нажал ему на плечо, заставляя вернуться в тепло очага, нехотя остановился на пороге.

Стоило Кэмпбеллу перешагнуть порог, как чья-то рука крепко ухватила его за ухо. Из темноты раздался ворчливый голос Сидни:

— Ах ты негодник! Только и думаешь, как бы Таотэ очередную диковинку справиться. А о родном доме когда заботиться начнёшь?

Освободив многострадальное ухо из цепких пальцев а-му, Кэмпбелл лишь виновато и глуповато заулыбался в ответ.

Сидни не мог без вздоха смотреть, как взрослый, сильный боец при одном упоминании о соседе превращается в застенчивого юнца. С досадой махнув рукой, он развернулся и ушёл обратно в кухню, продолжая бубнить себе под нос:

— Душа у него, видишь ли, за соседа болит! Раз так, что ж ты не наберёшься смелости да не предложишь ему к нам насовсем перебраться?

Когда родители Таотэ один за другим ушли в мир предков, мальчику едва исполнилось одиннадцать. По меркам долгоживущих оборотней, в таком возрасте он считался совсем ещё несмышлёным детёнышем. Сидни тогда не раз звал сироту к себе, предлагая кров и заботу, но упрямый мальчишка наотрез отказался. Он выжил в одиночку, полагаясь лишь на те немногие приёмы охоты, что успел перенять от отца. И хотя семья Кэмпбелла частенько подставляла ему плечо в трудную минуту, Таотэ упорно шёл своей дорогой, привыкая рассчитывать только на себя.

Теперь Таотэ возмужал, и предложение Сидни носило совсем иной характер — речь больше не шла об опеке над беспомощным сиротой.

Кэмпбелл прекрасно это понял. От намёка а-му краска мгновенно бросилась ему в лицо, заливая щеки и шею.

Кэмпбелл приоткрыл рот, судорожно выдохнул и поспешно отвёл взгляд в сторону.

— Да где мне... Он на меня и не посмотрит, — едва слышно прошептал он.

— Что ты там бормочешь? — переспросил Сидни из кухни.

— Ничего! А-му, давай скорее ужинать, у меня уже в животе урчит! Завтра на Главном тракте дел неупрочот, силы нужны! — Кэмпбелл поспешил перевести тему, отчаянно пытаясь скрыть пылающие щёки.

Стоявший рядом Эрф ободряюще похлопал сына по плечу. Родительское сердце не обманешь: тайные вздохи Кэмпбелла давно не были для них секретом. Ни отец, ни а-му не имели ничего против этого союза, а потому лишь молча поддерживали сына.

Беда заключалась в другом — сам Таотэ в сердечных делах выказывал поразительную слепоту. Проницательный во всём, что касалось охоты и выживания, он в упор не замечал очевидных чувств друга.

Сидни порой изводил себя из-за этой неопределённости, но Эрф хранил философское спокойствие. Он всегда твердил, что молодым нужно во всём разобраться самим, а родительское вмешательство только навредит.

Вернувшись в свою комнату, Кэмпбелл тяжело опустился на шкуру у стены и в сердцах стукнул кулаком по колену.

«И что за чушь я только что ляпнул?!»

«Я ему не чета...»

От одной этой мысли его бросило в жар. Ведь подобные слова звучали как прямое признание в том, что он давно и безнадежно неравнодушен к соседу!

Дом Таотэ стоял вплотную к его собственному. Стоило поднять голову, как над невысоким дощатым забором можно было заметить тёплые отсветы свечи, только что зажжённой в окне соседа.

Глядя на это зыбкое, мерцающее пламя, Кэмпбелл невольно погрузился в воспоминания.

В тот чёрный день, когда родители Таотэ погибли в когтях хищников, сам Кэмпбелл рыдал навзрыд, до судорог. Перепуганный Сидни тогда битый час осматривал его, решив, что сын тоже пострадал в стычке и скрывает рану. И лишь когда а-му совсем отчаялся, Кэмпбелл, размазывая слёзы по щекам, выдал, что плачет оттого, насколько больно сейчас его другу.

Потерять опору и тепло родительского очага — для маленького оборотня, которого ещё вчера баловали и ласкали, не было доли горше. Кэмпбелл тогда даже представить не мог, как пережить такое горе, и от одного сочувствия сердце его разрывалось на части.

Он уже позабыл, как отреагировал Сидни на его детскую, бесхитростную исповедь. Помнил лишь, что с тех пор стал пропадать у соседа с утра до вечера. Навещал его по любому поводу, а

чаще и вовсе без него.

Каждое утро начиналось с того, что он громко стучал в дверь осиротевшего дома. Кэмпбелл хвостиком ходил за Таотэ, готовый часами сидеть рядом в полном молчании — лишь бы не оставлять того наедине с гнетущей тишиной. И уходил только поздним вечером, когда встревоженный Сидни силой уводил его спать.

Тогда он взвешивал каждое слово, боясь ненароком ранить друга напоминанием об утрате. На какие только глупости он ни пускался, чтобы увидеть на лице угрюмого товарища хотя бы бледное подобие улыбки! Сейчас вспоминать те детские ужимки было донельзя стыдно — хоть сквозь землю провалились. В детстве ему казалось, что он просто пытается привлечь внимание Таотэ, но теперь, повзрослев, Кэмпбелл понимал: так он глушил собственный страх перед жестокостью окружающего мира.

Должно быть, именно тогда зародилась эта неискоренимая привычка — заявляться к соседу без приглашения и повода. Прийти, сесть в углу и просто дышать одним воздухом. Сама аура Таотэ дарила ему необъяснимый покой.

Кэмпбелл невольно мягко улыбнулся, хотя в груди всё ещё щемило от смущения за свои давние чудачества. Он опёрся подбородком о ладонь, глядя на темнеющий небосвод над соседской крышей. Мысли путались, сменяясь то благодарностью судьбе, то лёгкой грустью.

Но пока Кэмпбелл предавался меланхолии, по другую сторону забора, в доме Таотэ, разыгрывалась настоящая буря.

Вернувшись домой в глубоких сумерках, Таотэ первым же делом зажжёт масляный светильник. Он опасался, что Якоб, оставшись один в кромешной тьме, опять забьётся под одеяло и будет дрожать от ужаса. Поставив плошку на стол, оборотень поспешил к кровати.

— Якоб, я дома... — негромко позвал он, приближаясь к постели.

Однако стоило ему заглянуть за занавеску, как заготовленные ласковые слова застряли у него в горле. От увиденного у Таотэ едва глаза на лоб не полезли от ярости.

Маленький паршивец, которого он с таким трудом выхаживал, устроил на постели настоящее буйство. Вода, оставленная в плошке для умывания, бесследно исчезла — точнее, ровным слоем пропитала матрас, подушку и одеяло. Сам Якоб, мокрый с головы до ног, всю резвился посреди этого болота!

И как теперь прикажете спать?

Таотэ почувствовал, как в висках застучала кровь, а на лбу вздулись багровые вены. Он заскрежетал зубами так, что в тишине комнаты раздался отчётливый хруст.

— Таотэ! — Якоб, заметив хозяина, кубарем скатился со взбитой складками постели и резво побежал к краю, шлёпая босыми ногами. — Таотэ пришёл!

Личико крохи так и сияло от искреннего, детского восторга. Но для разгневанного оборотня эта лучезарная улыбка послужила лишь красной тряпкой.

— Это ещё что за новости?! — рявкнул Таотэ. Он бесцеремонно сгрёб безобразника поперёк туловища, выудил из мокрого месива и хорошенько встряхнул в воздухе, словно промокшего щенка.

Стоило поднести проказника ближе к свету, как Таотэ ещё сильнее нахмурился. Мало того что Якоб промок до нитки, так он ещё умудрился вымазаться в какой-то мелкой угольной пыли.

Смешавшись с водой, грязь превратила генерала в ходячий комок липкой сажи. Каждый его шаг по некогда чистой простыне оставлял жирные чёрные кляксы. Пальцы Таотэ, сжимавшие крошечное тельце, тут же покрылись грязной жижей.

О ночлеге на сухой постели можно было забыть.

Глядя на разгром, устроенный в гнезде, оборотень в сердцах прикрикнул на пленника:

— Да что на тебя нашло?! Стоило мне на шаг отлучиться, как ты превратил постель в свинарник! Неужто так сложно вести себя прилично? Это кровать! Понимаешь ты своим крошечным умишком, что здесь спят? Спят в чистоте и сухости! Ещё одна такая выходка, клянусь, я выставлю тебя за порог!

<http://bllate.org/book/20392/2185984>